

П.П. ЧЕРКАСОВ

ГРАФ ДЕ МОРНИ – ПОСОЛ НАПОЛЕОНА III В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1856–1857 годы)

29 апреля 1856 г., в час по полудни к дому, где проживал в Париже граф Алексей Федорович Орлов, генерал-адъютант императора Александра II, первый уполномоченный Российской империи на мирном конгрессе, завершившем Восточную (или Крымскую, как ее вскоре назовут) войну, подъехали две дворцовые кареты, украшенные гербами и вензелями императора французов Наполеона III. Спустя несколько минут в дверях появился граф Орлов в сопровождении трех флигель-адъютантов Е.И.В. – полковника Альбединского, полковника князя Витгенштейна и капитана князя Левашова. Орлов занял место в первой карете, а его спутники проследовали во вторую. Менее чем через полчаса оба экипажа были уже у парадного входа в Тюильри, где Орлова и его спутников встречал герцог де Камбасерес, главный церемониймейстер двора, вводивший иностранных послов на высочайшую аудиенцию в Тронный зал.

Ровно в 14 часов в зал вышел Наполеон. С приветливой улыбкой, как старого друга, он приветствовал Орлова. Тот представил императору сопровождавших его офицеров, а потом вручил Наполеону два конверта с письмами от своего государя. Первое представляло собой формальную нотификацию, т.е. “уведомительное письмо”, о восшествии Александра II на престол¹. Во втором содержалось поздравление царя в связи с рождением 16 марта 1856 г. у Наполеона III и императрицы Евгении первенца-сына, получившего титул “императорский принц” (*prince impérial*). Александр писал Наполеону, что “рождение наследника престола, несомненно, упрочит дело, которое Ваше Величество свершает во Франции”, и что “по совпадению, ниспосланному Провидением, оно призвано гарантировать утверждение мира, а через него – упрочить отношения дружбы между двумя великими народами, судьбы которых нам доверены”².

Наполеон был в хорошем настроении, в котором пребывал со времени рождения наследника. Это важное для династии Бонапартов событие соединилось в душе императора французов с другим – заключением 30 марта Парижского мирного договора, положившего конец Восточной войне и превратившего Наполеона III в арбитра Европы. Действительно, Франция взяла моральный реванш за унижение 1814 г., освободившись от ограничений Венского конгресса и вернув себе статус полноценной великой державы. Она сумела сохранить привилегированные отношения с Англией, но не пошла на поводу у британцев, преследовавших собственные интересы; поста-

Черкасов Петр Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ К тому времени Александр II царствовал уже более года, но из-за состояния войны между Россией и Францией “уведомительное письмо” о вступлении на престол из Петербурга в Париж не посылалось. Это стало возможным только после заключения 18 (30) марта 1856 г. Парижского мирного договора, формально положившего конец Крымской войне.

² Письмо датировано 3 апреля 1856 г. – Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Канцелярия, оп. 469, 1856 г., д. 72, л. 17 об.

вила на место Австрию, ограничив ее притязания на Балканах, а в перспективе – и в Италии. Наконец, еще в ходе работы Парижского конгресса Франция зарезервировала для себя возможность с подписанием мира наладить добрые отношения с Россией. Не сумев найти общий язык с Николаем I, Наполеон III надеялся, что это получится с Александром II, которому он со времени воцарения последнего неоднократно подавал недвусмысленные сигналы. Именно благожелательное содействие императора французов (как открытое, так и закулисное) во многом облегчило графу А.Ф. Орлову и барону Ф.И. Бруннову, представителям России на Парижском конгрессе, возможность добиться от держав-победительниц менее суровых условий мира, чем можно было ожидать. В Петербурге это понимали, но пока еще не могли в полной мере оценить, что в действительности стоит за неожиданной благожелательностью вчерашнего противника, насколько искренни и серьезны его намерения в отношении России.

Когда официальная часть аудиенции завершилась, Наполеон попрощался с сопровождавшими графа Орлова офицерами, а самого Алексея Федоровича, взяв под руку, пригласил пройти для доверительной беседы в свой кабинет, расположенный за Тронным залом.

Там они уютно расположились в креслах друг против друга, и император завел разговор о недавно завершившемся конгрессе. Орлов в самых теплых выражениях поблагодарил своего августейшего собеседника за поистине дружеское содействие, оказанное им императору Александру и его представителям в Париже в достойном окончании войны. Алексей Федорович не преминул отметить и ту важную роль, которую сыграл на конгрессе его председатель, граф А. Валуевский, министр иностранных дел Франции. Со своей стороны Наполеон III заверил Орлова в своем искреннем расположении к императору Александру и желании установить прочные и доверительные отношения. К глубокому сожалению, заметил Наполеон, у него в свое время не сложились отношения с покойным императором Николаем, что, как известно, имело печальные последствия для всей Европы. Нужно извлечь уроки из прошлого и сделать все, чтобы исключить саму возможность военного конфликта между нашими двумя странами, завершил свою мысль Наполеон. Затем он воздал должное дипломатическим талантам графа Орлова, в высшей степени достойно представлявшего на конгрессе императора Александра, и отметил, что для этой сложной миссии трудно было бы найти лучшего дипломата. Теперь, после формального завершения войны, должны восстановиться дипломатические отношения между Францией и Россией. Будем надеяться, сказал Наполеон, завершая беседу, что император Александр направит в Париж столь же достойного посла, каким на конгрессе был граф Орлов, чтобы “упрочить отношения доброго согласия, восстановленного ныне между Россией и Францией”³.

А пока Наполеону самому предстояло выбрать подходящую кандидатуру чрезвычайного и полномочного посла, который представлял бы его персону на коронации Александра II, намеченной на начало сентября 1856 г.

На аудиенции 29 апреля император по каким-то причинам не назвал Орлову имя этого человека, хотя уже тогда знал, кто станет первым послом Франции в России после возобновления дипломатических отношений, прерванных в феврале 1854 г.

Возможно, граф Орлов и сам догадывался, что в Россию отправится граф Огюст де Морни, сводный брат императора, бывший министр внутренних дел, а в тот период – председатель Законодательного корпуса. Так или иначе, но имя Морни император назвал Орлову только перед его возвращением в Санкт-Петербург, на прощальной аудиенции 12 мая 1856 г. На следующий день в правительственной газете “Монитёр универсель” появилось официальное сообщение о назначении графа де Морни чрезвычайным и полномочным послом в России⁴.

³ Там же, д. 148, л. 329об. По окончании аудиенции граф Валуевский, провожая Алексея Федоровича, сообщил ему, что декретом императора Наполеона граф Орлов удостоен Большой ленты ордена Почетного легиона.

⁴ Декрет о назначении Морни послом в России Наполеон III подписал еще 8 мая 1856 г. – Archives des Affaires Étrangères (далее – ААЕ), Personnel, 1-re série, № 3022.

Что же за человек был граф де Морни, которому Наполеон III доверил представлять его на коронации Александра II, а в более широком плане – открыть новую главу в отношениях между Францией и Россией?

* * *

Шарль Огюст Луи Жозеф, граф де Морни⁵ родился 17 сентября 1811 г. в местечке Сен-Морис-ан-Вале в Швейцарии, однако в метрическом свидетельстве значилось, что младенец появился на свет 21 октября в Париже, причем в свидетельстве приводились вымышленные данные о родителях. Последнее обстоятельство было не случайным.

Дело в том, что матерью ребенка являлась Гортензия Богарне, падчерица императора Наполеона I, которую он выдал в 1802 г. замуж за своего младшего брата Людовика. В 1806 г. он сделал Людовика королем Голландии. Царствование Людовика и Гортензии было недолгим. В 1810 г. Наполеон, недовольный образом правления Людовика, не принимавшего должных мер для защиты побережья от возможной высадки английских войск, ликвидировал независимость Голландии и включил ее в состав своей империи. Людовик Бонапарт, тяготившийся голландской короной и в еще большей степени – угнетавшей его опекой старшего брата, с облегчением покинул Голландию и уехал в Германию. Гортензия не последовала за мужем. К тому времени их брак, заключенный по воле Наполеона, фактически распался. От него остались три сына. Младшему из них суждено будет со временем стать императором Наполеоном III.

Гортензия с детьми вернулась в Париж и однажды, находясь на курорте, где проходила водолечение, встретила молодого человека по имени Шарль де Флао де Ла Биллардери. Блестящий офицер-кавалерист считался сыном к тому времени уже покойного генерала графа де Флао, но его настоящим отцом был Талейран, находившийся в многолетней связи с мадам Аделаидой де Флао⁶. Графиня была на 37 лет моложе своего супруга и, видимо, по этой причине не отказывала себе в маленьких женских радостях. Бурный роман Гортензии и Шарля де Флао увенчался рождением сына. Узнав о своей беременности, предусмотрительная Гортензия укрылась от любопытных глаз в Швейцарии, где и родила мальчика.

В скором времени ей удалось решить проблему отцовства для своего четвертого сына. Эту роль самоотверженно согласился взять на себя бездетный месть Деморни, получивший за это от императора Наполеона графский титул, предназначавшийся, разумеется, прежде всего его “сыну”. Гортензия устранилась от воспитания своего последнего, сосредоточив все внимание на законных детях и на любовнике, которому выхлопотала у императора генеральский чин и звание шталмейстера ее двора. Их роман закончился с падением Империи. В 1817 г. граф де Флао сочетался законным браком с мисс Мерси Эльфинстон, дочерью лорда Кейта, британского адмирала. От этого брака у них родились пять дочерей.

Все заботы о малолетнем Огюсте де Морни взяла на себя его 50-летняя бабушка по отцовской линии Аделаида де Флао. Рано овдовев, графиня в 1802 г. повторно вышла замуж за Жозе Мариа де Суза, посла Португалии в Париже. В их семье и прошли детские годы Огюста. Со временем он узнал о своем происхождении и в зрелые годы шутил: “В моем роду – три поколения бастардов по женской линии. Сам я – правнук короля, внук епископа, сын королевы и брат императора”. Под последним он имел в виду Наполеона III, своего сводного брата.

⁵ О нем см.: *Boulenger M. Le Duc de Morny*. Paris, 1930; *Christophe R. Le Duc de Morny*. Paris, 1951; *Pierre P. Le Duc de Morny*. Paris, 1958; *Grothe G. Le Duc de Morny*. Paris, 1966; *Rouart J.-M. Morny, un voluptueux au pouvoir*. Paris, 1995.

⁶ Происхождение самой Аделаиды де Флао не лишено романтического флёра. Ее мать, Мари Катрин Ирен Луиз дю Бюиссон де Лонгпре, была одной из любовниц Людовика XV, от которого родила старшую дочь, впоследствии выданную замуж за брата мадам Помпадур маркиза де Мариньи. По всей видимости, Аделаида и себя считала королевской внучкой.

Бабушка постаралась дать внуку надлежащее его высокому происхождению воспитание и необходимый набор полезных знаний. Королева Гортензия, проживавшая после 1815 г. в изгнании в Швейцарии, узнавала об успехах младшего сына из редких писем от мадам де Флао-Суза.

В 1831 г. Огюст поступает на учебу в военную школу при Главном штабе; по окончании обучения в феврале 1833 г. получает чин младшего лейтенанта и назначение в 1-й уланский полк, размещенный в Фонтенбло. Во Франции в это время правил король Луи Филипп Орлеанский. Он продолжил подчинение Алжира, начатое его предшественником, Карлом X Бурбоном, потерявшим корону в результате Июльской революции 1830 г.

Осенью 1835 г. Морни добивается назначения в Алжир, где поступает в распоряжение герцога Фердинанда Филиппа Орлеанского, старшего из пяти сыновей короля, прикомандированного к штабу генерал-губернатора, маршала Клозеля. Морни и Орлеан – почти ровесники, им по 20 лет. Молодые люди проявляют храбрость в нескольких сражениях с отрядами эмира Абд эль-Кадера.

Пока Морни воевал в Алжире, его сводный брат Луи Наполеон Бонапарт в октябре 1836 г. предпринял в Страсбурге попытку поднять мятеж против Луи Филиппа, но потерпел неудачу и был арестован. Огюст де Морни и Луи Наполеон никогда не встречались, хотя, разумеется, знали о существовании друг друга. Их личное знакомство состоится спустя много лет – лишь в январе 1849 г.

Тем временем в декабре 1836 г. герцог Орлеанский и граф де Морни в ореоле воинской славы возвращаются в Париж. Огюст произведен в лейтенанты и получает орден Почетного легиона. Его принимают в члены аристократического Жюкей-клуба, доступного лишь избранным. Он совсем еще молод, знатен и богат и не спешит расстаться с холостяцкой жизнью, предпочитая свободные отношения с женщинами. В это время он заводит роман с юной графиней Фанни Ле Хон, дочерью бельгийского банкира и промышленника и супругой посла Бельгии в Париже. В 1838 г. в результате этого романа родилась девочка, которую графу Ле Хону пришлось признать дочерью. Спустя 18 лет Морни примет близкое участие в устройстве судьбы Луизы Ле Хон. Ее удачно выдадут замуж за князя Станисласа Огюста Фредерика Понятовского, потомка короля Польши и внука наполеоновского маршала. А связь Морни с мадам Ле Хон продлится долгих 20 лет, вплоть до его неожиданной и поразившей всех, включая Наполеона III, женитьбы, о чем будет сказано выше. Но вернемся в год 1837-й.

Всё, включая дружбу с наследником престола, обещало графу де Морни стремительную военную карьеру, но он неожиданно выходит в отставку, выразив желание заняться предпринимательством. В 1837 г. он задумывает развернуть в районе Клермон-Феррана (Овернь) собственное производство сахарной свеклы и вкладывает в это дело значительные средства. Однако терпит неудачу. Провалом закончились и другие экономические замыслы Морни, а неудачные финансовые спекуляции очень скоро поставили его на грань разорения. Тем не менее, незадачливый предприниматель, Морни сумел извлечь из своей деятельности если не экономическую, то явную политическую пользу. Широкие связи, налаженные в Оверни, позволили ему в июле 1842 г. добиться избрания в палату депутатов от департамента Пюи-де-Дом. В парламенте Морни примкнул к сторонникам Ф. Гизо, но в отличие от многих депутатов ничем себя там не проявил, больше занимаясь собственными финансовыми проектами. Он участвовал в создании “Компании железных дорог Большого Центрального массива”, а незадолго до падения Июльской монархии стал акционером популярной газеты “Конститусьоннель”.

Пока Морни пытался обеспечить себе скромное политическое и финансовое благополучие, его беспокойный сводный брат Луи Наполеон вынашивал куда более честолюбивые замыслы: он мечтал возродить бонапартистскую империю. Племянник великого Наполеона в 1840 г. предпринял вторую попытку свержения Июльской монархии, но, как и в первый раз, потерпел неудачу, был схвачен и осужден на пожизнен-

ное заключение в крепости, откуда в мае 1846 г. сумел бежать и укрыться в Англии. Там он тщательно готовил свое триумфальное возвращение во Францию.

Февральская революция 1848 г., свергнувшая Луи Филиппа и его режим, открыла возможности для реализации замыслов Луи Наполеона. Морни принял активное участие в избирательной кампании Луи Наполеона, выдвинувшего свою кандидатуру на пост президента республики. В последних числах сентября 1848 г. Луи Наполеон возвратился во Францию и в декабре одержал убедительную победу на президентских выборах.

Вскоре после этого, в январе 1849 г., происходит личное знакомство братьев, и с этого времени Морни становится одним из ближайших соратников и советников главы государства. В числе самых доверенных лиц Луи Наполеона он принимает участие в подготовке государственного переворота, осуществленного 2 декабря 1851 г. Сразу же после этого Морни получает ключевой в тех обстоятельствах пост министра внутренних дел, но занимает его недолго – до 22 января 1852 г. В дальнейшем он избирается в новый представительный орган – Законодательный корпус и участвует в подготовке конституционной реформы, призванной ликвидировать республиканский строй и восстановить империю.

Как известно, провозглашение империи 2 декабря 1852 г. было воспринято в европейских столицах как покушение на Парижский мирный договор 1815 г., навязанный Франции после поражения Наполеона I державами-победительницами. Наибольшее беспокойство в связи с этим обнаружили бывшие участники антифранцузской коалиции – Англия, Австрия, Пруссия и, конечно, Россия. Правда, и королева Виктория, и Франц-Иосиф I, и Фридрих-Вильгельм IV не стали драматизировать ситуацию и, проявив разумный прагматизм и понимание реалий, вскоре официально признали новый режим в Париже. Иначе повел себя Николай I, упорно не желавший признавать новоявленного императора французов Наполеона III⁷. Дело едва не дошло до разрыва дипломатических отношений, и если этого не случилось, то главная заслуга здесь, безусловно, принадлежала графу де Морни.

С провозглашением во Франции империи все иностранные послы должны были представить новые верительные грамоты, адресованные императору французов Наполеону III. По тогдашним правилам, грамоты, составленные от имени коронованных особ, должны были содержать обязательное обращение: “Сир и Брат мой”. Именно так и обратились к нему в верительных грамотах королева Виктория, Франц-Иосиф, Фридрих-Вильгельм и другие европейские монархи. Все, за исключением Николая I. Верительная грамота, которую получил из Петербурга российский посланник в Париже Н.Д. Киселев, начиналась словами: “Сир и добрый Друг” (“Sire et bon Ami”). Это означало, что царь не признавал Наполеона III равноправным членом европейской монаршей семьи.

Соответствующим образом в Тюильри и расценили “неподобающее” обращение Николая I к императору французов. Предварительно ознакомившись с копией грамоты, министр иностранных дел Франции Э. Друэн де Люис, заявил Киселеву, что грамота составлена не по форме и потому принята быть не может⁸. С ним были согласны все ближайшие советники Наполеона III, кроме Морни. “Мой добрый император, – сказал он Наполеону при встрече, состоявшейся 4 января 1853 г., – вы совершите непоправимую ошибку, если, едва придя к власти, повернетесь спиной к самому могущественному монарху Европы”. На это Наполеон возразил: “Царь демонстрировал по отношению ко мне столько пренебрежения, что согласиться на очередное оскорбление,

⁷ См. об этом: *Кухарский П.Ф.* Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941; *Тарле Е.В.* Крымская война. – *Тарле Е.В.* Соч., в 12 т. М., 1959, т. VIII; *Черкасов П.П.* Николай I и Луи Наполеон Бонапарт (1848–1852). – Россия и Франция XVIII–XX века, вып. 9. М., 2009, с. 124–165.

⁸ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1853 г., д. 111, л. 20об.–21. Киселев – Нессельроде, 29 декабря 1852 г. (10 января 1853 г.).

не поставив его на место, означало бы проявить слабость”. Но Морни не сдавался. Он настойчиво убеждал брата: главное, что царь признал вас императором Франции, все остальное – не так существенно; более того, вам представился удобный случай показать обществу, что национальные интересы для вас превыше личных амбиций.

В конце концов Наполеон, вопреки советам Друэн де Люиса и министра внутренних дел Персиньи, счел доводы Морни основательными и согласился принять у русского посланника составленные “не по форме обращения” верительные грамоты. На аудиенции он сказал Киселеву: “Прошу передать вашему государю мою особенную благодарность за его обращение ко мне не как к брату, а как к доброму другу. Нельзя выбрать брата, но можно выбирать друзей”⁹. Так, благодаря Морни был предотвращен казавшийся неминуемым дипломатический скандал, чреватый прекращением дипломатических отношений между Францией и Россией.

В Петербурге в полной мере оценили важную услугу графа де Морни. Канцлер К.В. Нессельроде поручил Киселеву передать Морни самую искреннюю благодарность императора Николая I, а в знак исключительного доверия к графу разрешил посланнику ознакомить Морни с содержанием своего письма по этому поводу. Киселев с удовольствием поспешил исполнить это поручение. С давних пор, еще со времен Июльской монархии, Киселева связывали дружеские отношения с графом Морни. 2 февраля 1852 г. Киселев отправил к Морни курьера с двумя письмами. “Мой дорогой друг! – говорилось в первом письме. – Не будучи уверен в том, что застану Вас дома, спешу переслать Вам прилагаемое ниже конфиденциальное письмо, только что полученное мною от графа Нессельроде. Оно касается Вас и свидетельствует о том, что нам не чужды чувства благодарности. Прошу по прочтении вернуть его мне, а Вас – сохранить ко мне Вашу дружбу в обмен на ту, что я уже так давно ношу в моем сердце”¹⁰.

Во втором конверте находилось личное письмо канцлера Нессельроде, адресованное Киселеву. В нем, в частности, говорилось: “В Вашем сугубо конфиденциальном письме Вы сообщаете о содействии, которое встретили в доброжелательности и мудрости господина графа де Морни. Я хотел бы, чтобы он знал, насколько Император ценит услуги, оказанные им в этих деликатных обстоятельствах”. Далее Нессельроде подчеркнул, что Морни оказал важную услугу не только императору Николаю I, но и “своему государю, воспрепятствовав тем самым его вовлечению на ложный путь, куда его толкали неосмотрительные советники”¹¹. Под последними канцлер явно имел в виду Друэн де Люиса и Персиньи.

Когда летом 1853 г. резко обострился русско-турецкий конфликт и обозначилась перспектива вмешательства в него Франции и Англии на стороне Порты, Морни пытался удержать Наполеона от этого вмешательства. 23 июня 1853 г., вскоре после того как Россия ввела свои войска на территорию Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), находившихся под протекторатом султана, Морни пишет записку, в которой предостерегает от участия в русско-турецком конфликте. “Самым опасным для будущего Турции была бы война из-за нее между Россией, с одной стороны, и Францией и Англией – с другой. Россия, – полагал Морни, – имеет на Востоке больше ресурсов, чем любая другая держава, к тому же время работает на нее”. Турция, по мнению Морни, может все потерять и, наоборот, выиграть в случае ее умеренности и сохранения мира. Направление на помощь Порте французского и английского флотов было бы роковой ошибкой. Путь дипломатических согласований, по убеждению Морни, во всех отношениях будет предпочтительнее войны¹².

⁹ См. *Carmona M. Morny, le vice-empereur*. Paris, 2005, p. 256. Есть другая, более литературная редакция этой фразы Наполеона III: “Бог дает нам братьев, – будто бы сказал он Киселеву, – друзей же мы выбираем сами”. Цит. по: История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995, с. 361.

¹⁰ *Morny, Duc de*. Extrait des Mémoires. Une Ambassade en Russie, 1856. Paris, 1892, p. 4.

¹¹ Ibid., p. 1–3. Письмо датировано 12 (25) января 1853 г.

¹² Ibid., p. 5–7.

Он считал, что на войну с Россией Францию настойчиво подталкивает ее давняя союзница Англия. Морни доверительно сообщал об этом в письмах к своей русской приятельнице, княгине Д.Х. Ливен, проживавшей в Париже. В ее доме, превращенном в светский салон, собирался весь цвет французского политического бомонда¹³. Он писал княгине Ливен, что император Наполеон “в глубине души никогда не хотел войны и никогда в нее не верил”¹⁴, но на него оказывалось мощное давление, изменившее первоначальные намерения императора. “Увы, – сокрушенно замечал Морни 12 марта 1854 г. в письме к княгине Ливен, вынужденной не по собственной воле покинуть Париж и переехать в Брюссель, – я уже не верю, что можно сделать еще что-нибудь, чтобы помешать войне”¹⁵.

Действительно, миролюбивые призывы Морни на этот раз не были услышаны Наполеоном. Разгром русской эскадры в Синопском морском сражении 30 ноября 1854 г. основных сил турецкого флота поставил Порту на грань поражения, чего не могли допустить ни Англия, ни Франция. В начале января 1854 г. в Черное море вошел объединенный франко-британский флот, и это стало прелюдией к разрыву отношений Петербурга с Парижем и Лондоном (27 февраля). Месяц спустя, 28 марта 1854 г., Франция вслед за Великобританией объявила России войну. Лишь только заговорили пушки, и Морни, как истинный патриот, тактично замолчал в ожидании лучших времен.

С момента отставки с поста министра внутренних дел 22 января 1852 г. он много времени уделял решению личных материальных проблем, в полной мере используя свое привилегированное положение при дворе. Когда барон Османн, префект департамента Сена, приступил к перестройке Парижа, Морни, пользуясь своим влиянием, начал заранее скупать предназначенные для сноса дома и даже целые кварталы, чтобы затем перепродать землю с огромной прибылью.

Морни приобрел и привел в порядок старинный замок с прилегающей территорией в районе Лализолль в Оверни, где стал принимать друзей – музыкантов и литераторов. Чаше других у него гостил Жак Оффенбах. Личным секретарем у Морни одно время работал начинающий писатель Альфонс Доде. Впоследствии он вывел своего патрона в образе герцога де Мора в романе “Набоб”, а Эмилио Золя Морни послужил прототипом для графа де Марси в романе “Его превосходительство Эжен Ругон”.

Из овернской глуши Морни продолжал дружескую переписку с княгиней Ливен, находившейся в Брюсселе и мечтавшей вернуться в Париж¹⁶. “Я стал настоящим деревенским жителем, – писал он ей 30 сентября 1854 г. – На мне огромные башмаки, одежда из холстины, соломенная шляпа. Я думаю теперь лишь о том, что меня окружает – о яйцах, о баранах... Живу я среди лесов и занимаюсь строительством фермы: составил план замка, с террасами, садами и т.д. Я не думаю больше о политике, газеты читаю с безразличием и скукой. Не забываю только о Вас, моя дорогая княгиня. Два Ваших письма, которые я здесь получил, доставили мне огромное удовольствие. Ибо ничто так не согревает мое сердце, как желание быть Вам хоть чем-то полезным. Надеюсь, что по моем возвращении (в Париж. – П. Ч.) я сделаю для Вас нечто большее”¹⁷.

¹³ О ней см.: *Таньшина Н.П.* Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.

¹⁴ *Au temps de la Guerre de Crimée. Correspondance inédite du comte de Morny et de la princesse de Lieven.* – *La Revue des Deux Mondes.* 1966, 1-er février, p. 229, 331.

¹⁵ *Ibid.*, p. 330.

¹⁶ В конце марта 1854 г., уже после разрыва дипломатических отношений между Петербургом и Парижем, граф де Морни навестит свою приятельницу в Брюсселе, подчеркнув тем самым, что вопреки обстоятельствам остается ее верным другом.

¹⁷ *Au temps de la Guerre de Crimée...*, p. 344. Морни имел в виду получить у императора разрешение для княгини Ливен вернуться в Париж, чего она страстно желала и о чем неоднократно его просила. Настойчивые ходатайства Морни в конечном счете увенчаются успехом, несмотря на активное противодействие главы британского кабинета лорда Пальмерстона, видимо, считавшего княгиню шпионкой Николая I. 1 января 1855 г. княгиня Ливен вернется в Париж. См. *Таньшина Н.П.* Указ. соч., с. 271–276.

Видимо, Морни уже знал о намерении императора вернуть его к активному участию в государственных делах. Действительно, 12 ноября 1854 г. граф де Морни, которого Наполеон III то ли в шутку, то ли всерьез называл неисправимым орлеанистом, был назначен председателем Законодательного корпуса, т.е. парламента Второй империи.

С этого времени Морни вновь становится постоянным участником принятия важнейших государственных решений. Наполеон консультируется с ним по всем вопросам внутренней и внешней политики, хотя и не всегда разделяет его точку зрения. Как уже отмечалось, в марте 1854 г. император не внял доводам Морни, предостерегавшего его от войны с Россией ради защиты интересов Османской Порты. После взятия Севастополя в сентябре 1855 г. Наполеон III стал склоняться к прекращению Восточной, как ее называли во Франции, войны в Крыму, оказавшейся слишком затратной по части человеческих и финансовых потерь. Именно Морни, с его непонятным для тюильрийского двора русофильством, Наполеон поручил поиски путей примирения с Россией, где с февраля 1855 г. царствовал молодой император Александр II.

Кстати, о русофильстве Морни. В какой степени об этом можно (и можно ли) говорить всерьез?

Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. Скорее всего, истоки пророссийских настроений у сводного брата императора французов следует искать в неприятии им курса на безоговорочное следование в фарватере британской внешней политики, характерное для Франции со времен Июльской монархии. Будучи тогда сторонником Гизо, “орлеанист”, как назвал его Наполеон, Морни, тем не менее, не одобрял проводимую министром иностранных дел Луи Филиппа линию на достижение “сердечного согласия” с Великобританией. Морни полагал, что такое “согласие” в большей степени выгодно Лондону, нежели Парижу, чьи интересы нередко приносятся в жертву британским.

Вторая империя в значительной степени унаследовала традицию тесного взаимодействия с сент-джеймским кабинетом, что наиболее ярко проявилось в период обострения Восточного кризиса в 1853 г. Активными приверженцами этого курса в ближайшем окружении Наполеона III были императрица Евгения, министр иностранных дел Друэн де Люис и министр внутренних дел Персиньи. Именно они подталкивали императора к войне с Россией, вопреки предостережениям “пацифиста” Морни, который считал, что на Востоке Франция будет воевать не за свои, а за британские интересы.

Ж. Жилье, публикатор переписки Морни с княгиней Ливен, называет его “убежденным англофобом”¹⁸. Даже если это определение и слишком категорично, оно не лишено оснований. Опасаясь чрезмерного усиления Англии, Морни видел в России реальный противовес британскому влиянию, становившемуся опасным для интересов Франции. При этом, заметим, накануне Крымской войны Морни явно находился во власти преувеличенных представлений о военной мощи России, равно как и под обаянием внушительной фигуры Николая I, которого считал единственным арбитром в Европе. Поэтому беспрепятственная высадка франко-британского экспедиционного корпуса в Крыму и последовавшая серия неудач русской армии явились для него полной неожиданностью и даже потрясением. В письме княгине Ливен от 30 сентября 1854 г. он признавался, что все это для него “необъяснимо” и “невероятно”¹⁹. Но и после падения Севастополя, уже не сомневаясь в предстоящем поражении России, Морни, тем не менее, не изменил своего взгляда на нее, как на желательного партнера Франции.

Сложно сказать, были ли у него накануне и в период Крымской войны какие-то иные, кроме сугубо политических, мотивы доброжелательного отношения к России – ничто, казалось бы, не свидетельствует об этом, – но все его дальнейшие действия подтверждают, что он недаром слыл последовательным русофилом в окружении Наполеона III.

¹⁸ Au temps de la Guerre de Crimée..., p. 228.

¹⁹ Ibid., p. 344.

Когда в Париже открылся мирный конгресс, Морни, оставаясь за кулисами переговоров, оказывал, как мог, поддержку графу Орлову и барону Бруннову. Поэтому никто в Париже не удивился, когда император Наполеон принял решение направить послом в Россию именно графа де Морни. “Ореол вокруг его происхождения, непринужденность и очаровательность манер, тонкий вкус, глубокое знание человеческой природы, умение нравиться и с блеском подать себя – Морни обладал редким сочетанием всех этих качеств, необходимых для исполнения той блестящей и трудной роли, которую ему предстояло сыграть”, – отмечал французский историк Ф. Шарль-Ру²⁰.

Разумеется, столь высокий уровень посла был в полной мере оценен в Петербурге: как самим императором Александром, так и новым главой его дипломатии князем А.М. Горчаковым, в конце апреля 1856 г. сменившим графа К.В. Нессельроде. Кстати, Горчаков, будучи с 1854 г. посланником при венском дворе, поддерживал конфиденциальную переписку с Морни. Тогда они прилагали обоюдные усилия для скорейшего прекращения войны. Теперь им предстояло открыть новую главу в отношениях России и Франции. Одним словом, в Петербурге с очевидным интересом ожидали приезда Морни.

Подготовить почву для успеха его миссии предстояло временному поверенному в делах Франции, отправленному в Петербург в июне 1856 г. На этот пост был определен 33-летний дипломат Шарль Бодэн, ближайший сотрудник графа Валуевского в бытность его послом в Англии²¹. Его назначение состоялось еще 30 апреля, но в Петербург Бодэн отправился лишь в конце июня, когда сдал дела в Лондоне, где занимал должность первого секретаря посольства Франции. По случайному совпадению французский дипломат оказался на том же пароходе, следовавшем из Штеттина в Петербург, что и князь Горчаков, возвращавшийся через Берлин и Дрезден из Вены после вручения императору Францу-Иосифу своих отзывных грамот. Это соседство стало весьма ценным для Бодэна, получившего счастливую возможность в течение трех дней путешествия ближе познакомиться с Горчаковым²² и его внешнеполитическими взглядами.

Если верить донесению Бодэна на имя Валуевского, то Горчаков признался ему, что с самого начала был против войны и “всеми доступными ему средствами пытался ее предотвратить”; война, по его мнению, не была неизбежной, она стала результатом “недоразумения, случившегося между Наполеоном III и Николаем I в 1853 г.”; заключение Парижского мира Горчаков считал “отправной точкой новой политики для России, принятой той партией, к которой принадлежит и он, князь Горчаков, и что в этом отношении его назначение в министерство иностранных дел весьма знаменательно”. Министр заверил французского дипломата, что всегда “с симпатией относился к Франции и считает крайне желательным заключение союза между двумя странами”²³. “Пока еще не очень ясно, какой будет эта новая политика, – резюмировал Бодэн в депеше Валуевскому свои беседы с Горчаковым. – Я надеюсь разобраться в этом, но уже сейчас понятно, что Россия будет склонна к менее активному вмешательству во внешние дела”; молодого царя в гораздо большей степени заботит внутреннее состояние его империи, и он намерен “сосредоточиться на административных и социальных вопросах, а также на улучшении различных ветвей государственного управления с целью поднять русское сельское хозяйство и промышленность”. “По всей видимос-

²⁰ *Charles-Roux F.* Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III. 2-me éd. Paris, 1913, p. 110–111.

²¹ О нем см. ААЕ, Personnel. 1-re série, № 269. В Лондоне А. Валуевского во главе посольства Франции в 1855 г. заменил В. де Персиньи, горячий приверженец английского союза и давний недруг Морни, старавшийся помешать франко-российскому сближению.

²² Впервые они встретились за несколько дней до этого в Берлине, где оба оказались проездом. Их знакомство устроил французский посол при прусском дворе маркиз де Мустье.

²³ Из первой депеши Бодэна, адресованной графу Валуевскому, 10 июля 1856 г. – ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1856, v. 212, fol. 22–23.

ти, – прозорливо предположил французский дипломат, – даже приступят к изучению возможностей и средств для отмены крепостного права”²⁴.

Бодэн прибыл в Петербург 10 июля 1856 г., а уже на следующий день, он как временный поверенный был аккредитован при министре иностранных дел. Его статус не предполагал официальной высочайшей аудиенции, но Александр II по совету князя Горчакова пренебрег протоколом и принял Бодэна в Зимнем дворце, чем засвидетельствовал особое отношение к представителю императора французов, пусть даже этот представитель и был в скромном секретарском чине. С этого момента временный поверенный в делах Франции официально приступил к исполнению своих обязанностей при петербургском дворе. Его первоочередной задачей стала подготовка к прибытию чрезвычайного и полномочного посла графа де Морни. Но за всеми этими, по большей части техническими хлопотами Бодэн находил время и для глубокого изучения предреформенной России, пытаясь понять направление действий Александра II и его новой правительственной команды. Депеши Бодэна и его памятные записки, направлявшиеся в Париж, отличались трезвым и объективным взглядом на события, разворачивавшиеся в России в преддверии Великих реформ²⁵. Забегая вперед, отметим, что успех миссии Морни в определенной степени был подготовлен стараниями Бодэна.

* * *

Завершив все необходимые приготовления, 4 июля 1856 г. Морни отправился в дальний путь, который ему предстояло преодолеть по железной дороге, а на заключительном этапе – в карете. В состав чрезвычайного посольства были включены десять дипломатов и восемь военных²⁶. Среди первых были близкий к Морни депутат Законодательного корпуса граф И.-Ж.-А. Мюрат, внучатый племянник знаменитого наполеоновского маршала, графы де Л’Эспин и Велль де Ла Валетт, герцог де Граммон-Кадерусс, виконт де Симеон и др. Среди военных – бригадные генералы Лебёф, Фроссар и Дюмон, полковник Рель, капитан де Бофремон, лейтенант маркиз де Галифе. Все они принимали участие в Крымской кампании, что должно было подчеркнуть уважение французской армии к недавнему противнику на полях сражений. Одни члены посольства отправились в Петербург вместе с Морни, другие присоединились к нему в Берлине, где он сделал очередную остановку.

Выбирая маршрут следования, Морни решил на несколько дней остановиться в Висбадене, столице герцогства Нассау, где в это время проходила лечение водами вдовствующая императрица Александра Федоровна, супруга Николая I и мать царствующего императора Александра II. До замужества и перехода в православие ее звали Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина Прусская. Она была дочерью короля Фридриха-Вильгельма III и приходилась сестрой правящему королю Фридриху-Вильгельму IV и кронпринцу Вильгельму, будущему германскому императору. Александра Федоровна никогда не забывала о своих корнях и старалась воспитывать старшего сына, которому предстояло наследовать престол, в германофильском духе. В Висбадене императрицу-мать, помимо свиты, сопровождал ее младший сын, великий князь Михаил Николаевич. В это время велись переговоры о его женитьбе на принцессе Цецилии Баденской.

Морни было интересно познакомиться с императрицей, ее сыном и их окружением: в их лице он мог столкнуться в Петербурге с влиятельными противниками сближения с Францией. Под предлогом водолечения он остановился в Висбадене и поспешил засвидетельствовать почтение вдовствующей императрице. Та приняла его весьма любезно, но за этой показной вежливостью Морни разглядел очевидное нерасположение “старого двора” к Наполеону III и его представителю. “Я был тронут

²⁴ Ibid., fol. 24 recto verso.

²⁵ Деятельность Шарля Бодэна на его посту в Петербурге будет высоко оценена в Париже. В декабре 1857 г. он получит назначение полномочным министром в г. Кассель (Гессен).

²⁶ Полный состав посольства Морни см. ААЕ, Personnel, 1-re série, № 3022.

любезным приемом, который мне здесь оказали, но не мог избавиться от ощущения какого-то недоверия по отношению к нам”, – писал он министру иностранных дел Валуевскому. “Императрица-мать, как пруссачка и как русская, – продолжал Морни, – не должна была любить Францию, и я уверен, что последние обстоятельства, ранившие ее сердце, лишь увеличили ее нерасположение к нам”²⁷. По этому поводу он остроумно заметил, что “если русский человек вообще недолюбливает французов, то русский, привитый к немцу, глубоко нас ненавидит”²⁸.

Во время путешествия Морни встречался с русскими дипломатами, аккредитованными при различных германских дворах, и везде чувствовал в них закалку предыдущего царствования, своего рода “школу Нессельроде” с ее приверженностью к Германии и неприязнью к Франции.

От этих первоначальных впечатлений, ввергнувших было его в пессимизм, не осталось и следа, стоило ему оказаться в Петербурге, где Морни встретили с непривычным для дипломатического протокола радушием, как долгожданного и дорогого гостя.

В Петербург Морни прибыл в ночь с 5 на 6 августа. Последний участок пути – от Кёнигсберга, где заканчивалась железнодорожная ветка, идущая из Берлина, до столицы Российской империи – ему и его спутникам пришлось проделать в каретах, на что ушло трое суток.

К приезду посла Бодэн успел снять для него элегантный особняк графа Воронцова-Дашкова, расположенный на левом берегу Невы, неподалеку от Зимнего дворца. Там и разместились посольская резиденция. На следующий день, прежде чем приступить к делам, Морни занялся развешиванием доставленных из Франции картин и гобеленов, лично руководя этими работами – указывая, где и что должно висеть. Убедившись, что все в доме приведено в надлежащий порядок, во второй половине дня 6 августа он отправился с визитом к князю Горчакову, чтобы обговорить детали предстоящего вручения верительных грамот императору Александру. Морни не мог не обратить внимания на то, как молниеносно был решен для него вопрос о высочайшей аудиенции. Князь В.Л. фон Эстергази, посол Франца-Иосифа I, прибывший в Петербург раньше Морни, все еще обсуждал с Горчаковым возможность и дату такой аудиенции. Это, конечно же, было не случайным. Официальный Петербург даже не считал нужным скрывать свое недовольство предательским поведением недавнего союзника в завершившейся Крымской войне.

Утром 7 августа Морни в сопровождении всего состава посольства выехал в Петергоф, где в это время находился император. В Петергофе французскую делегацию разместили во дворце, расположенном в Английском парке. Там Морни и Горчаков обсудили последние детали аудиенции. По завершении переговоров в установленный час к особняку подкатили дворцовые кареты, в которых Морни и его сотрудники были доставлены к Большому дворцу. Здесь, в Тронном зале, в присутствии высших сановников империи граф де Морни вручил императору Александру свои верительные грамоты, после чего поочередно представил членов посольства. Александр II приветствовал их на безупречном французском. Слегка грассируя, он сказал несколько подобающих случаю фраз. Граф де Мюрат, оставивший подробное описание поездки в Россию и коронации Александра II, записал свое первое впечатление о царе: “Внешне, быть может, менее импозантный, по сравнению с императором Николаем, Его Величество обладает не менее благородной осанкой. У него высокая, стройная фигура, его лицо свидетельствует об открытой душе, прямом и надежном сердце. Природная доброта, отражающаяся на его лице, не исключает наличия в нем энергии и твердости характера”²⁹.

²⁷ *Morny, Duc de*. Op. cit., p. 64, 65.

²⁸ *Ibid.*, p. 65–66.

²⁹ *Murat J.-J.-A. Le Couronnement de l'empereur Alexandre II. Souvenirs intimes de l'ambassade de France*. Paris, 1883, p. 36.

По завершении официальной части аудиенции Александр и Морни удалились для беседы тет-а-тет. Вот что написал об этом Морни в депеше графу Валевскому: «Вчера я получил высочайшую аудиенцию в Петергофе. Император с ласковой приветливостью протянул мне руку... и сказал: “Я очень рад видеть вас здесь. Ваше присутствие знаменует счастливое окончание ситуации, которая не должна более повториться. Я очень признателен императору Наполеону и никогда не забуду того доброжелательного влияния, которое он оказывал в нашу пользу в ходе мирных переговоров. Граф Орлов докладывал мне также, насколько он был тронут внимательным расположением графа Валевского. Я прошу вас передать ему за это мою благодарность”. Потом он добавил, что император Наполеон приобрел в лице графа Орлова горячего друга. Орлов вернулся из Парижа полностью им очарованным. Кроме того, сказал император, я тронут до глубины души тем обхождением и той добротой, с которой император и императрица французов отнеслись ко всем офицерам, отправленным мною в Париж. [...]

“Я не устану повторять, – продолжал император, – насколько я счастлив видеть все эти признаки сближения, и если у войны и была какая-то хорошая сторона, то она состоит в том, что война показала нам, как велики симпатии обоих народов друг к другу и взаимное уважение обеих армий”. Я ответил на это, – писал Морни министру иностранных дел, – что император Наполеон придерживается такого же мнения и что он совершенно осознанно включил в состав чрезвычайного посольства тех военных, кто был в Крыму и имел случай оценить упорство и мужество русской армии. [...]

“В том, что император Наполеон прислал сюда именно вас, господин граф, – сказал Александр, – я вижу новое свидетельство его расположения ко мне. Я знаю, что занимаемое вами во Франции положение не предполагает выполнения миссии за границей, и потому особенно признателен, что сюда направили именно вас. Я намерен действовать так же, как император Наполеон, направляя к нему графа Киселева³⁰. Он был одним из самых близких друзей моего отца и уже давно является и моим другом”.

Вернувшись к началу нашего разговора, – отмечал Морни, – император заверил меня в своем искреннем желании достигнуть доброго согласия с Францией и императором Наполеоном. Он сказал мне: “В сущности, такое желание было и у моего отца. Я искренне сожалел о недоразумении, случившемся между ним и вами. Что же касается меня, то даю вам слово чести, что вы можете положиться на прямоту и искренность моих намерений и, если когда-нибудь, господин граф, у вас возникнут хотя бы малейшие затруднения, обращайтесь прямо ко мне. Вы всегда встретите с моей стороны полнейшую готовность выслушать вас и откровенно объясниться с вами”³¹.

Морни невольно сопоставлял свои новые впечатления с теми, которые он вынес из встречи с императрицей-матерью в Висбадене. “В конце концов, – писал он Валевскому, – в Висбадене я видел старый двор, оставшийся под впечатлением прежних скорбных воспоминаний; здесь же, в Петербурге, доброе расположение, выражаемое Францией, представляется мне более искренним, и, думаю, я не ошибусь, если скажу, что слова, сказанные мне императором, выражают чувства, разделяемые большинством русского общества. Прием, который был оказан здесь г-ну Бодену и членам посольства, прибывшим сюда месяцем ранее, полностью подтверждает это, свидетельствуя об особой симпатии в отношении Франции и императора французов”³².

³⁰ Речь идет о графе Павле Дмитриевиче Киселеве, старшем брате бывшего посланника в Париже, ministre государственных имуществ, которого Александр II 3 июля 1856 г. назначил чрезвычайным и полномочным послом во Франции. Киселев прибудет в Париж 14 октября 1856 г.

³¹ Депеша Морни графу Валевскому от 8 августа 1856 г. – ААЕ, *Correspondance politique, Russie*, 1856, v. 212, fol. 77–85 verso. Также см., *Morny Duc de*. Op. cit., p. 63–80.

³² ААЕ, *Correspondance politique, Russie*, 1856, v. 212, fol. 81 recto verso; *Morny, Duc de*. Op. cit., p. 73.

“Я нашел здесь совсем иную обстановку: новые люди, новая политика, – писал Морни. – Князь Горчаков откровенно излагает свои принципы, не скрывая симпатий и антипатий. Он заявляет, что всегда был приверженцем добрых отношений между Францией и Россией, и публично признается в том, что испытывает глубокое восхищение и личную расположенность к императору французов. Он полон признательности за то доброжелательство, которое королева Гортензия некогда проявляла по отношению к нему³³. Он демонстрирует новую манеру ведения дел – очень четкую и самостоятельную – и подчеркивает, что согласился взять на себя руководство иностранными делами исключительно по той причине, что взгляды императора Александра полностью совпадают с его собственными убеждениями”³⁴.

Морни предполагал пробыть в Петергофе день или два, но император удержал его при себе на трое суток. Посол был приглашен на празднование дня рождения царствующей императрицы, хотя это и нарушало правила этикета. Утром 8 августа все члены французского посольства отстояли утомительную для католиков службу в дворцовой церкви по случаю 32-летия императрицы, а по ее окончании были представлены членам многочисленной императорской фамилии. Все они выказывали французам свое расположение и самые дружеские чувства к Франции, императору Наполеону и императрице Евгении.

Вечером в Большом дворце был устроен бал. Перед его началом Мария Александровна представила графу своих фрейлин, и среди них – совсем еще юную княжну Софью Трубецкую. Никто, включая самого посла Франции, и предположить не мог, что эта, в сущности, случайная встреча будет иметь очень серьезное продолжение для 44-летнего Морни и 18-летней Софи Трубецкой.

Бал завершился поздним ужином, за которым император обратился к присутствующим членам французского посольства с приветственным тостом, найдя для каждого теплые слова.

Обратный путь в Петербург Морни и его спутники проделали на борту прогулочного парохода, совершив приятное путешествие по Финскому заливу. Последующие дни у французских дипломатов и военных ушли на знакомство со столицей империи и наиболее именитыми ее обитателями, оказавшимися на удивление просвещенными людьми, свободно говорившими на иностранных языках и много путешествовавшими по Европе. Заметим, что с воцарением императора Александра II все, кто хотел, получили возможность выезжать за границу, что было немыслимо в предыдущее царствование.

Первым шагом Морни в качестве посла Наполеона III была организация приема для членов дипломатического корпуса и чинов первых четырех классов российской правящей элиты, т.е. не ниже действительного статского советника (генерал-майора). Дело в том, что Морни прибыл в Петербург в то время, когда там не было послов великих держав (в лучшем случае находились лишь поверенные в делах), и по этой причине он автоматически становился дуайеном дипломатического корпуса³⁵, что налагало на него дополнительные обязанности. В своей резиденции на набережной Невы он давал прием и как посол императора французов, и как дуайен. Морни подошел к организации приема со всей возможной тщательностью, вникал во все детали украшения интерьеров, сервировки стола и в тонкости кухни. Желая произвести самое приятное впечатление на гостей, он привлек для консультаций лучших знатоков

³³ Князь Горчаков встречался с Гортензией Бонапарт в Италии, где он, будучи молодым дипломатом, служил в российских посольствах в Риме и Флоренции.

³⁴ ААЕ, *Correspondance politique, Russie*, 1856, v. 212, fol. 78 recto verso; *Morny, Duc de*. Op. cit., p. 66.

³⁵ Как уже отмечалось, в Петербурге находился посол Австрии князь Эстергази, но к тому времени он еще не получил аудиенции и не вручил верительные грамоты, что не давало ему официального статуса. По этой причине Эстергази не мог претендовать на звание дуайена, хотя фактически прибыл в Россию гораздо раньше Морни.

здешнего протокола из дворцового ведомства. В связи с тем, что число приглашенных превысило первоначальные расчеты, Морни организовал два приема с интервалом в несколько дней, распределив гостей по двум категориям.

Первый прием, разумеется, был приурочен ко дню рождения Наполеона I – 15 августа, вновь ставшему национальным праздником Франции. День начался с торжественной мессы в католическом храме св. Екатерины, где, помимо посольских и петербургских французов, присутствовали товарищ министра иностранных дел И.М. Толстой³⁶, личный представитель императора Александра II, и только что назначенный посол России при тюильрийском дворе генерал-адъютант граф П.В. Киселев³⁷. Вечером во дворце Воронцова-Дашкова состоялся прием, своей изысканной пышностью поразивший всех, кто на нем присутствовал. Второй прием в торжественности не уступал первому.

Накануне 15 августа граф де Морни был приглашен в Петергоф, где обедал наедине с императорской четой. Пользуясь случаем, посол передал Александру II только что доставленную для него из Парижа Большую орденскую ленту Почетного легиона, знак особого внимания со стороны Наполеона III.

На 22 августа был назначен отъезд двора на коронацию в Москву. В остававшиеся дни Морни и его сотрудники продолжили знакомство с достопримечательностями Петербурга: осмотрели богатейшую коллекцию Эрмитажа и внушительное собрание Императорской библиотеки, где им показали десятки писем Генриха IV и ценнейшие документы из архивов Бастилии, посетили еще не достроенный Исаакиевский собор, а также Казанский и Петропавловский соборы, Адмиралтейство. Достопримечательностью оказалось и выступление популярной цыганской труппы, куда дипломатов заввал кто-то из их русских коллег. Пораженные французы впервые в жизни слушали завораживающее цыганское пение, впервые видели неистовые цыганские пляски, что стало для них подлинным открытием. До написания оперы Жоржа Бизе “Кармен”, где впервые в европейской музыкальной культуре зазвучала цыганская тема, было еще далеко – целая четверть века. В России же цыганские музыкальные труппы еще в начале XIX столетия были желанными гостями не только в столичных трактирах и ресторанах, но и в дворянских домах и усадьбах.

А один из дипломатов, случайно заглянув на местный “блошинный рынок”, принес оттуда купленный за 15 копеек (50 сантимов) диковинный трехструнный инструмент под названием “balalaïka”. Чтобы оживить балалайку, пришлось отыскать умельца, одетого в холщовую рубаху и в лаптях вместо сапог. Виртуозная игра самодеятельного музыканта, извлекавшего из трех струн широкую гамму звуков, передававших все оттенки настроения – от празднично-разгульного до рвущего душу отчаяния – вызвала восторг у соотечественников и современников Адана, Гуно, Берлиоза и Оффенбаха.

Тем временем в Петербург стали съезжаться прибывшие на коронацию послы европейских держав, и среди них – лорд Гренвил, посол Ее Величества королевы Виктории. К моменту отъезда двора в Москву лорд Гренвил успел получить аккредитацию, так же как и уязвленный демонстративной обструкцией князь Эстергази.

* * *

В шесть часов утра 22 августа с Николаевского вокзала Санкт-Петербурга с небольшим интервалом отошли два специальных состава с членами иностранного дипломатического корпуса. В одном из них следовала французская миссия. В те годы поезд из Петербурга в Москву обычно находился в пути ровно сутки, но в данном случае руководство Николаевской железной дороги сделало все возможное и невозможное, чтобы сократить время движения до 16 часов. Примерно в 22 часа того же дня оба поезда прибыли на Николаевский вокзал первопрестольной.

³⁶ Он временно замещал заболевшего князя А.М. Горчакова.

³⁷ AAE, Correspondance politique, Russie, 1856, v. 212, fol. 123–125.

Французская дипломатическая миссия была устроена в двух просторных городских усадьбах. Граф де Морни разместился во дворце Рахманова, находившемся между улицами Петровка и Неглинная, а его сотрудники – в расположенной неподалеку усадьбе Корсакова.

На следующий день французские дипломаты с нескрываемым волнением и интересом приступили к знакомству с городом, где 44 года назад квартировала Великая армия Наполеона. С того времени, как она оставила этот город, началось крушение Первой империи. Разоренная осенью 1812 г. Москва успела разительно измениться и похорошеть. Повсюду появились новые красивые здания, мирно соседствовавшие с архаичными деревянными постройками. Полуразрушенный по приказу маршала Мортье Кремль уже давно был восстановлен и теперь предстал взорам во всей своей неповторимой красоте вместе с Большим Кремлевским дворцом, перестроенным при императоре Николае I. Но прежде всего москвичи восстановили сгоревшие и пострадавшие храмы. Их бесчисленные купола сверкали золотом на августовском солнце. Граф Мюрат философски усмотрел в этой живописной картине “соединение великолепия с традицией” и даже “протест прошлого против нестабильности будущего”³⁸.

При знакомстве французов с городом произошел курьезный инцидент. Два молодых дипломата, не спеша прогуливавшиеся по Тверскому бульвару, покуривая сигары, были задержаны и доставлены в полицейскую часть. Оказалось, они нарушили запрет на курение на улицах, и за это полагался солидный штраф. Дипломатов вскоре, конечно, отпустили и даже в порядке исключения не оштрафовали, а эта история стала предметом шуток среди членов дипломатического корпуса. Вообще, Москва с присущей ей причудливой смесью Европы и Азии, роскоши и убожества, столь непохожая на европеизированный Санкт-Петербург, произвела на французов неизгладимое впечатление.

29 августа в первопрестольную прибыла царская чета, а 7 сентября состоялась коронация. Перед ее началом французская делегация привлекла к себе всеобщее внимание. Все иностранные представители подъезжали к Успенскому собору Кремля в каретах, и только французы во главе с графом де Морни, оставив кареты у ворот Кремля, пешком, с непокрытыми головами прошли весь путь до Успенского собора. Толпа ответила им одобрительным гулом. “Император Александр был коронован этим утром в Успенском соборе Кремля, – писал Морни графу Валуевскому в коротком перерыве между коронационными торжествами. – Мне не хватает времени, чтобы описать все детали этой церемонии, совершавшейся в обстановке чрезвычайной торжественности и величественности. Она произвела неизгладимое впечатление на всех, кто на ней присутствовал. В ближайшие дни я представляю вам подробный отчет об этой церемонии”³⁹.

А накануне, 6 сентября, в резиденцию Морни из дворцового ведомства был доставлен объемистый пакет с орденами для всех членов французского посольства и наградными грамотами. Сам посол был удостоен высшего знака отличия Российской империи – ордена св. Андрея Первозванного. Генералы Лебёф, Фроссар и Дюмон получили ордена св. Станислава 1-й степени, граф Мюрат и полковник Рель – ордена св. Анны 2-й степени с бриллиантами. Остальные французские дипломаты и военные были отмечены орденами Станислава и Анны 3-й степени. Вскоре стало известно, что наград удостоились и другие члены иностранного дипломатического корпуса, присутствовавшие на коронационных торжествах, однако лишь одному послу была оказана честь получить орден Андрея Первозванного. Этим послом был граф Огюст де Морни⁴⁰.

³⁸ *Murat J.-J.-A.* Op. cit., p. 81–82.

³⁹ Из депеши Морни от 7 сентября 1856 г. – ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1856, v. 212, fol. 205 recto verso.

⁴⁰ *Ibid.*, fol. 207.

Коронационные торжества в Москве продолжались до середины октября. В течение этого времени Морни часто встречался с императором и князем Горчаковым, которые подчеркивали особенное к нему расположение, выделяя из всех остальных. Впечатлениями о России, ее императоре и князе Горчакове Морни поделился с Наполеоном III в личном письме от 15 сентября 1856 г.⁴¹ “Мой добрый император! Я хотел бы написать вам в спокойном состоянии, но именно его-то мне и не достает в вихре празднований, церемоний, балов, смотров, визитов и т.д., – писал Морни. – Надо сказать, русские умеют веселиться”. Он отметил, что “все члены императорской фамилии при встречах неизменно интересуются новостями, относящимися к Вашему Величеству и императрице”, а к послу императора французов относятся со всей возможной “обходительностью и изысканной учтивостью”, явно следуя поведению императора Александра. “Император обходится со мной с таким вниманием, какого никогда не удостоивался ни один из послов”, – подчеркнул Морни.

Далее он высказал свое мнение об императоре Александре и его замыслах: “Недовольство режимом, существовавшим при императоре Николае, ощущается повсеместно. В этом еще не признаются на самом верху, но действуют в соответствии с настроениями недовольства. Император Александр добр и мягок, он преисполнен желания дать больше свободы; не вмешиваться, как это было прежде, в частную жизнь; предоставить возможность путешествовать за границу всем, кто этого желает. [...] Он много размышляет о реформах, проводит серьезные амнистии, даже в отношении поляков. Он намерен строить железные дороги. В широком плане можно сказать, что он стоит у начала либерального пути, который, возможно, и плохо согласуется с характером этого народа, но, я убежден, мы обязаны поддержать его на этом пути”. Тем более, подчеркнул Морни, что император Александр так искренне расположен к Франции.

Затем Морни охарактеризовал князя Горчакова, ближайшего сподвижника императора в области внешней политики. “Это умный, живой человек, который демонстрирует независимость и свободно высказывает свои мысли, – писал Морни. – Он не скрывает, что отныне торжествует его система, и уверяет, что император принял его программу действий. Суть этой программы в следующем: Россия впредь никогда не должна ссориться с Францией, которая, по многим причинам, является ее подлинным союзником. Франция – это великая и хорошо управляемая нация. Император Наполеон пользуется безоговорочной поддержкой своего народа. Горчаков помнит, как приветливо обходилась с ним королева Гортензия; он хранит талисман, который она ему подарила во время его пребывания в Италии. Император Александр, в бытность свою наследником престола, не одобрял политики императора Николая. Он понимает интересы императора Наполеона в том, куда и каким образом вести французский народ, и не имеет намерений ни препятствовать ему, ни как-то ограничивать его устремления и был бы счастлив, если бы однажды между двумя императорами установились прочные и долгосрочные отношения, не задевающие Англию. Наконец, он был бы полностью удовлетворен, если бы ему удалось сохранить нынешнюю ситуацию: очень хорошие отношения с Францией, хорошие – с Англией и очень плохие – с Австрией. Он намерен ускорить восстановление России после ее падения, и эти его намерения можно понять”.

“Вот почему я вам советую, – подчеркнул Морни, обращаясь к Наполеону, – подумайте, нельзя ли пойти на какие-то непринципиальные уступки в отношении императора России ради достижения согласия с ним. Поверьте, я не нахожусь под его обаянием, я все принимаю со спокойной учтивостью. Я ни о чем не прошу здесь и ничего не обещаю, но я не могу не считаться с мнением французов, проживающих в этой стране на протяжении 30 лет. Никогда прежде они не видели ничего подобного и преисполнены гордости за то, как нас тут принимают, как с нами обходятся и в каком привилегированном положении находится здесь Франция. Мое глубокое убеждение состоит в том, – констатировал он, – что нам предпочтительней и легче договориться

⁴¹ Полный текст письма см. *Morny, Duc de. Op. cit.*, p. 90–98.

с Россией, нежели с Германией, которая, в сущности, нас ненавидит. Я убежден, что было бы полезно рассмотреть кое-какие проекты на будущее. Скоро в Париж возвращаются наши генералы, спросите об их впечатлениях и сравните с моими наблюдениями, которые я вам искренне изложил. Что бы вы ни решили, я думаю, вы не будете сожалеть, что направили меня в Россию”.

Морни поделился с императором и другими своими наблюдениями. “Наилучшее впечатление оставляет армия, в особенности кавалерия, она великолепна, – писал он. – Армия находится в центре внимания императора и великих князей, которые занимаются ею с полным знанием дела. Со своей стороны армия, здоровая в своей основе, фанатично предана императору. Однако ее командным кадрам явно не достает индивидуальной инициативы. Офицеры великолепно воспитаны, вежливы, говорят по-французски и по-немецки, прекрасно держатся в седле. Их усердие поощряется многочисленными и разнообразными наградами”.

Не обошел посол вниманием и самый насущный для России середины XIX в. вопрос – крепостное право. «Аристократы уже не напоминают бывших бояр. Крепостное право для них теперь не больше чем слово, чего не скажешь о мелких провинциальных помещиках. Власти совершенно искренне пытаются найти решение этого злополучного вопроса, тормозящего развитие сельского хозяйства. Однако решение представляется очень трудным, так как крестьянин абсолютно убежден в том, что если он сам и принадлежит своему господину, то уж земля-то точно принадлежит ему, крестьянину. Можно легко предположить, что, когда однажды ему объявят: “Ты свободен”, – он немедленно потребует землю. Надо сказать, что государственные крестьяне здесь уже не рабы. Вообще же, слово “раб” предпочитают не использовать, заменяя его понятием “собственность”».

По мнению Морни, с которым решительно не согласился бы его соотечественник, небезызвестный маркиз де Кюстин, побывавший в России в 1839 г., “злоупотребления здесь редки, они сурово пресекаются императором и осуждаются общественным мнением”. “Народ на улицах – это в большинстве своем вчерашние крестьяне, ставшие горожанами; он добр и послушен. Здесь почти не видно присутствия полиции во время различных празднеств. Народ повсюду имеет свободный доступ, его можно встретить даже в дворцовых прихожих. Император может свободно и без всякого сопровождения утром или вечером выйти из дворца и отправиться на прогулку – пешком, верхом или в коляске, посреди уличной толпы. Видя такое, невольно начинаешь размышлять о том, какими могут быть отношения между правителями и народами”, – мечтательно заключил Морни, имея в виду, что такое положение вещей совершенно немыслимо на его родине, где со времени убийства Генриха IV французские монархи никогда не чувствовали себя в безопасности в окружении подданных.

* * *

За чередой нескончаемых приемов и балов Морни не забывал о главном – о цели своей миссии. Инструкции, полученные им еще в Париже, а также письма графа Валевского, поступавшие в Петербург и Москву⁴², ориентировали его на достижение трех основных задач: добиться от России выполнения условий Парижского мира, и прежде всего территориального разграничения в Дунайских княжествах и на Кавказе; склонить Александра II и Горчакова к заключению тройственного союза между Францией, Россией и Англией; прояснить уровень напряженности между Петербургом и Веной, имея в виду планы Наполеона III в северной Италии, традиционно считавшейся сферой австрийского влияния, – император французов давно присматривался к Савойе и Ницце. Кроме того, инструкции предусматривали желательность подписания с Россией торгового трактата, хотя сам Морни мечтал о большем – о союзном договоре.

Самым простым для него делом оказалось выяснение отношения Александра II к императору Австрии Францу-Иосифу I. Собственно говоря, оно не было секретом для

⁴² См. ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1856, v. 212, fol. 89–97.

тюильрийского двора еще со времени Парижского мирного конгресса, где граф Орлов с трудом скрывал неприязнь к австрийскому представителю графу К.-Ф. Буолю-Шауэнштейну. Но насколько эта неприязнь распространяется на Габсбургскую империю и ее монарха, Морни убедился лишь при личных контактах с Александром II.

Как-то, беседуя в Москве с полюбившимся ему французским послом, царь разоткровенничался: “Верьте мне, отец мой питал величайшее удивление и глубокое сочувствие к императору Наполеону, и никто более его не рукоплескал государственно-му перевороту и его последствиям. Позвольте мне рассказать подробность, вам, быть может, неизвестную, которая даст вам возможность оценить по достоинству поведение каждого. Когда учреждалась империя во Франции и никто уже не сомневался в том в Европе, австрийский кабинет в предвидении этого события выразил надежду, что Россия не признает императора Наполеона в форме, установленной для законных европейских государей. Не мне обвинять моего отца. Он считал себя, может быть, слишком носителем преемственных преданий, но, конечно, он меньше бы придерживался их, если бы не последовало помянутое приглашение. Не могу спокойно говорить о таком поведении Австрии здесь, в этом самом кабинете в Кремле, в Москве, вспоминая, что тут я был свидетелем получения моим отцом просьбы о помощи императора австрийского и отдачи им немедленных приказаний, сохранивших Францу-Иосифу его корону⁴³. О! Эта Австрия! Какая коварная политика! Теперь она ищет оправдать себя, приписывает вам, Франции, почин в требовании территориальной уступки в Бессарабии”⁴⁴.

Морни стал убеждать Александра, что интересы Франции не имеют ничего общего с тем, что пытается внушить Австрия. “Достаточно посмотреть на карту, – сказал посол, – чтобы стало понятно, где и чей присутствует интерес и от кого могут исходить соответствующие инициативы”⁴⁵. Лучший способ избежать подобных недоразумений, добавил Морни, – обсуждать все текущие политические вопросы непосредственно с императором французов.

Более сложным для Морни оказался вопрос об исполнении Россией решений Парижского мира о демилитаризации районов недавних военных действий и демаркации границ. Сложность во многом проистекала от давления, которому подвергалась здесь Россия со стороны Англии, Австрии и, разумеется, Турции, требовавших немедленного вывода русских войск из Карса и территориальных уступок в Дунайских княжествах. По условиям мира 1856 г. (ст. 30-я) Россия уступала Турции дельту Дуная, которая была присоединена к Добрудже, непосредственному владению Порты, и юго-западную часть Бессарабии (район Измаила) – она вошла в состав княжества Молдавия. Но, как только началось уточнение новой русско-турецкой границы в районе населенного болгарами городка Болград на р. Ялпук, при ее впадении в одноименное озеро, выяснилось, что Россия и ее партнеры по переговорам по-разному смотрят на карту делимитации этих границ. Многое теперь зависело от позиции Франции, взявшей на себя роль арбитра между спорящими сторонами. По ее инициативе стороны согласились на созыв в Париже международной конференции для рассмотрения спорных вопросов.

Еще до начала ее работы Морни и Горчаков приступили к обсуждению темы делимитации границы. Их переговоры, начавшиеся в Москве, продолжилось после возвращения двора в Петербург в середине октября 1856 г. Александр и его министр иностранных дел дали понять послу Наполеона III, что в разрешении возникших противоречий рассчитывают на содействие императора французов.

⁴³ Речь идет о военной интервенции 1849 г. в Венгрию, предпринятой Николаем I по настоятельной просьбе Франца-Иосифа I. Венгерская революция против австрийского господства была тогда подавлена с помощью армии генерала Паскевича, что спасло Габсбургскую империю от распада.

⁴⁴ Цит. по: *Татищев С.С.* Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2005, с. 186.

⁴⁵ *Morny, Duc de.* Op. cit., p. 106–107.

9 ноября 1856 г. Морни сообщил Валуевскому о встрече с Горчаковым, который передал ему слова Александра II: “Император, мой государь, поручил мне сказать вам, что он отдает в руки императора Наполеона разрешение всех существующих разногласий. Он уполномочивает его передать Турции в полное владение Змеиный остров и дельту Дуная, уступить Болград и Молдавию в обмен на то, что он сочтет справедливым. Принимая столь трудное решение, император Александр рассчитывает на лояльность и твердость императора Наполеона в том, чтобы побудить каждую из договаривающихся держав к строгому выполнению всех условий Парижского договора”⁴⁶.

“Я спешу немедленно сообщить вам, мой дорогой граф, эту радостную новость, венчающую ту трудную работу, которая была проделана во имя восстановления спокойствия в Европе, – писал Морни Валуевскому. – Мне остается лишь выразить глубокое удовлетворение тем, что с самого первого дня приезда в Санкт-Петербург я встретил здесь полное доверие со стороны императора Александра и князя Горчакова”⁴⁷.

Вскоре из Парижа был получен ответ, и Морни ознакомил с ним Горчакова. “Его Величество, – писал Валуевский, – глубоко тронут доверием императора Александра, передавшего ему заботу о разрешении противоречий, которые разделяют державы, подписавшие Парижский договор. Отказываясь от требований на владение Болградом и соглашаясь на передачу Турции Змеиного острова и дельты Дуная, Россия приобретает очевидную признательность Европы, и император счастлив видеть в этой двойной уступке новое проявление возвышенных и миролюбивых устремлений, которые постоянно демонстрирует император Александр”⁴⁸. После этой благородной уступки со стороны России, по мнению Валуевского, более не остается препятствий для полного исполнения ст. 30-й мирного договора. Решение проблемы Дунайских княжеств, нейтрализация Черного моря и закрытие проливов, подчеркивал он, – это “три главных условия поддержания европейского равновесия”⁴⁹.

Морни настоятельно советовал ему со вниманием отнестись к тому доверию, которое Россия оказывает Франции в вопросе урегулирования ее противоречий с Англией, Австрией и Россией, подчеркнув, что в Петербурге убеждены: именно Англия и Австрия нарушают Парижский мирный договор⁵⁰. Франция, писал Морни, “могла бы здесь сыграть примиряющую роль”, так как на императора Наполеона в Петербурге смотрят как на “арбитра Европы”⁵¹.

Хорошо зная о приверженности Наполеона III союзу с Англией, Морни в письме к Валуевскому, тем не менее, рискнул высказаться достаточно определенно: “Я, конечно, не считаю, что необходимо пожертвовать английским союзом; я не полагаю также, что надо менять старых друзей на новых; это было бы и недостойно, и нечестно; но нужно, чтобы верность была взаимной, нужно, чтобы жертвы в этом союзе были равными с той и с другой стороны, и особенно важно, чтобы свидетельства дружбы... проявлялись в равной степени. Без этого, поверьте, как в Европе, так и во Франции, скажут,

⁴⁶ Ibid., p. 132–133. Во исполнение достигнутой Морни в Петербурге договоренности, на заседании международной комиссии по делимитации новой русско-турецкой границы французский военный эксперт полковник Бессон предложил обменять уступку туркам Болграда на территорию общей площадью 329 кв. верст к западу от Одессы, переходящую к России.

⁴⁷ *Morny, Duc de*. Op. cit., p. 133–134.

⁴⁸ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1856 г., д. 74, л. 78–78об. Валуевский – Морни, 29 ноября 1856 г.

⁴⁹ Там же, л. 79об.–80.

⁵⁰ Еще в конце октября 1856 г. Морни сообщал Валуевскому о “вызывающем поведении британской дипломатии в отношении России”, крайне раздраженной неоднократным появлением английских военных кораблей у берегов Одессы и Керчи. А продолжающаяся австрийская оккупация Дунайских княжеств, по мнению посла, дает основания России со своей стороны не спешить с исполнением предписаний Парижского мира. Все это, “как мне кажется, служит для нее убедительным оправданием”, добавил Морни. – ААЕ, *Correspondance politique, Russie*, 1856, v. 213, fol. 70 recto verso. Морни – Валуевскому, 25 октября 1856 г.

⁵¹ *Morny, Duc de*. Op. cit., p. 150–151. Деша от 25 ноября 1856 г.

что мы занимаемся обманом, что мы боимся Англии, что мы находимся в зависимости от нее. Кстати, об этом уже говорят довольно часто. И потом – с англичанами нужно обходиться твердо и без всяких уверток”⁵². “Русское правительство ведет себя очень лояльно и деликатно по отношению к нам”, – не преминул добавить посол⁵³.

В другом письме к Валуевскому он высказался о франко-английском союзе еще более откровенно: “Это уже не союз, это – зависимость”. А вот Александр II и князь Горчаков, по его убеждению, преисполнены “самого искреннего желания быть в тесном союзе с императором Наполеоном, с Францией”⁵⁴. “Уверяю вас, Россия – единственная держава, которая полностью одобрит усиление Франции [...] А что англичане! Посмотрите, как они вели себя в Константинополе, в Вене, в Турине, в (Дунайских. – П. Ч.) княжествах! Разве не они повсюду оспаривали политику императора? [...] Англичан я боюсь как огня, – добавлял Морни. – Что касается императора России, – а я его очень хорошо изучил, – то убежден, что на него можно положиться. Это человек чести”⁵⁵. Таким образом, он не скрывал, что предпочел бы союз с Россией “зависимости” от Англии. Однако Наполеон не разделял его мнения, стремясь к заключению тройственного союза.

Предостережения Морни относительно выполнения условий мирного договора были вполне обоснованными. После достижения принципиальных договоренностей по делимитации границы в Дунайских княжествах давление Англии и Австрии на Россию не только не ослабло, но даже усилилось. Выдвигались все новые и новые претензии на несоблюдение ею условий мирного договора, что вызывало болезненную реакцию в Петербурге. Однажды Александр откровенно высказался по этому поводу в беседе с Морни. “Я считаю, что поведение англичан и австрийцев со всей очевидностью идет вразрез со статьями (Парижского. – П. Ч.) договора, – заявил царь. – Я намеревался протестовать, но вы мне в этом помешали, вместо того чтобы помочь. Более того, император (Наполеон. – П. Ч.) постоянно шадит английский кабинет. Когда Бруннов⁵⁶ говорил с ним в Компьене о нарушении договора, император не проронил ни единого слова. Откровенно говоря, я боюсь, как бы отношения с Англией не доминировали в его сознании над всем остальным, даже над европейским правом, и я не скрываю перед вами своего беспокойства. Я сделал все, о чем вы меня просили, в своей политике я следовал за вами и готов продолжать действовать таким же образом. Но я должен быть уверенным, что моя обеспокоенность не имеет оснований”⁵⁷.

Встревоженный этим первым со стороны Александра II проявлением недовольства поведением Франции, Морни поспешил рассеять его подозрения. “Сир, верьте императору Наполеону... он знает, что делает, – убеждал он царя. – Кто вам сказал, что он не проявляет должной твердости в отношении английского кабинета? Просто он делает это не демонстративно, без публичных угроз, чтобы не навредить делу. Я очень хорошо знаю императора. Он любит и уважает Англию. Это великая и благородная страна. Но даю вам голову на отсечение, что, если бы Англия или какая-то другая держава пошла на очевидное нарушение договора, император был бы первым, кто воспротивился этому”⁵⁸.

Одновременно Морни прилагал все усилия к тому, чтобы убедить тюильрийский кабинет в необходимости дать Александру II более прочные доказательства приверженности к сближению и сотрудничеству с Россией. Немалое значение в этом смысле

⁵² Ibid., p. 152.

⁵³ Ibid., p. 155.

⁵⁴ Carmona M. Op. cit., p. 307.

⁵⁵ Morny, Duc de. Op. cit., p. 137–139.

⁵⁶ Барон Ф.И. Бруннов временно возглавлял российскую дипломатическую миссию в Париже в ожидании приезда графа П.Д. Киселева, назначенного послом во Францию.

⁵⁷ Morny, Duc de. Op. cit., p. 173–174. Из письма графа Морни императору Наполеону от 9 декабря 1856 г.

⁵⁸ Ibid., p. 174–175.

имела бы, по его убеждению, уверенность России в том, что император Наполеон употребит свое влияние, чтобы все участники Парижского мирного договора, а не только Россия, строго следовали его постановлениям. Это очень важно, “если мы намерены сохранить здесь влияние и отношения уважительного доверия”, считал посол⁵⁹.

Самым трудным поручением в его дипломатической миссии стал для Морни вопрос о возможности заключения тройственного союза между Францией, Англией и Россией. Еще до того, как Наполеон III возложил на себя императорскую корону, он пришел к убеждению в жизненной важности для Франции (и для династии Бонапартов) поддержания “сердечного согласия” с Англией. В этом вопросе император французов в корне расходился со своим великим дядей, считая, что противоборство Наполеона I с Англией было трагической ошибкой, обусловившей падение Первой империи. В отношении к Англии Наполеон III стал продолжателем линии Луи Филиппа на “сердечное согласие” с владычицей морей, но в отличие от “короля-гражданина” был намерен проводить активную европейскую политику с явным желанием “округлить” границы Франции, прежде всего на юге. После окончания Крымской войны Наполеон хотел закрепить за собой роль неформального арбитра Европы, а для этого необходимо было уравновесить возросшее влияние Англии союзом с Россией, отодвинув на второй план Австрию и Пруссию. В практической плоскости речь шла о преобразовании “оси Париж – Лондон” в “треугольник Париж – Лондон – Петербург”.

Но именно на этом направлении Наполеон III натолкнулся на серьезное препятствие, оказавшееся непреодолимым. Он явно не учел того высокого уровня напряженности, которая была характерна для русско-английских отношений, и неприязни к Англии со стороны российской правящей элиты (к слову сказать, неприязнь была взаимной). Англию в Петербурге считали истинной виновницей Крымской войны и не намеревались спокойно взирать на продолжавшиеся по ее окончании британские происки в районе Средиземноморья (Греция, Неаполь) и на ближних подступах к России – в Турции, на Кавказе и в Персии.

С первых дней пребывания в Петербурге Морни в полной мере осознал напряженность русско-английских отношений. О недовольстве британской политикой ему откровенно говорили и император Александр, и князь Горчаков. Но, поскольку тройственный союз стал для Наполеона III подлинной *idée fixe*, Морни, выполняя волю императора, постоянно возвращался к этой теме в разговорах с царем и его министром. В одном из конфиденциальных писем к Горчакову он отмечал: “Я глубоко убежден, что для спокойствия в мире необходимо, чтобы три великие державы (Франция, Англия и Россия. – П. Ч.) пришли к полному согласию между собой, чтобы между ними утвердились отношения взаимного доверия и уважения. Мы вполне могли бы этого достигнуть”⁶⁰. Впрочем, он и сам не верил в такую возможность. “Мир подписан, Россия возобновила связи с тремя великими державами, но ее отношение к каждой из них никогда не было одинаковым, – писал Морни графу Валуевскому 25 октября 1856 г. – Россия пришла к заключению, что Австрия проявила очевидную неблагодарность, а Англия относится к ней более недоброжелательно, чем Франция”⁶¹.

Посол Франции констатировал отсутствие всякого интереса к идее тройственного союза у своих высоких собеседников в Петербурге. И император, и его министр иностранных дел вежливо выслушивали его, но ничем не обнадеживали, хотя давали понять: России предпочтителен двусторонний союз с Францией, без участия Англии. А к этому Наполеон пока не был готов.

Конечно, Морни не мог знать содержания конфиденциального отчета министерства иностранных дел, представленного князем Горчаковым на высочайшее имя, но он вполне мог бы подписаться под многим из того, о чем там говорилось. Прежде

⁵⁹ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1856, v. 213, fol. 70 recto verso. Морни – Валуевскому, 9 декабря 1856 г.

⁶⁰ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1856 г., д. 74, л. 38.

⁶¹ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1856, v. 213, fol. 71.

всего это касалось Англии, которую Горчаков характеризовал как “самое враждебное России государство”, не имеющее ни малейших намерений “полностью отказаться от традиционных принципов своей политики”⁶². Как и Морни, Горчаков не верил в безоблачность франко-британских отношений. “У Англии и Франции – слишком различные глубинные интересы, чтобы их близость могла быть продолжительной, – убежденно писал министр иностранных дел России. – Рано или поздно, в реальной политике они неизбежно разойдутся”⁶³. Одним словом, констатировал русский министр, у России нет никаких оснований поддерживать идею Наполеона III. “Но мы сохраняем молчание в вопросе трояственного союза, – добавлял Горчаков, – оставляя возможность тюильрийскому кабинету сформулировать его планы более определенно, прежде чем мы выскажем наше мнение о его практической ценности”⁶⁴.

* * *

Окончательно убедившись в тщетности своих усилий на этом направлении, Морни переключился на другое важное дело. Если не представляется возможным решить вопрос о трояственном политическом союзе, то нельзя ли подписать с Россией двусторонний коммерческий трактат? На это он имел соответствующие полномочия Парижа⁶⁵. С конца 1856 г. посол начал разговоры на данную тему с Горчаковым.

Инициатива Морни встретила самую благожелательную реакцию со стороны Горчакова. 3 февраля 1857 г. Морни передал ему французский проект, предусмотрительно составленный в Париже, снабдив его разъяснительным письмом⁶⁶. За основу нового трактата предлагалось взять прежний франко-российский торговый договор, заключенный в сентябре 1846 г., дополнив его рядом новых положений, которые существенно облегчили бы и расширили товарообмен между Францией и Россией.

Две недели спустя Горчаков передал Морни российский контрпроект, одобренный Александром II. После этого начались переговоры, к которым был привлечен министр финансов России П. Брок. Французская сторона добивалась снижения таможенных сборов на традиционные товары своего экспорта, прежде всего на вина, парфюмерию и косметику. Одновременно Морни дал понять, что предполагаемое расширение импорта зерна из России не должно причинить ущерб интересам французских аграриев и что, следовательно, Франция не может согласиться на значительное снижение ввозных пошлин на этот продукт. По большинству вопросов, обсуждавшихся на переговорах, Горчаков и Брок пошли навстречу французским пожеланиям. После Крымской войны Россия остро нуждалась во внешнем содействии своему экономическому развитию, а такое содействие она могла получить только от Франции. В результате переговоров 2 (14) июня 1857 г. в Петербурге был подписан торговый трактат о торговле и мореплавании сроком на шесть лет. Через месяц после его ратификации Александром II и Наполеоном III он вступил в законную силу⁶⁷.

С его подписанием граф де Морни достойно завершил свою миссию в России. Еще в конце ноября 1856 г. он был извещен о желании Наполеона видеть его в Париже, где ему предстояло возобновить деятельность во главе Законодательного корпуса. Император был доволен результатами доверенного Морни важного поручения по вос-

⁶² АВПРИ, ф. 137, Отчеты МИД, оп. 475, 1856 г., д. 40, л. 8, 18 об.

⁶³ Там же, л. 20 об.

⁶⁴ Там же, л. 19 об.–20.

⁶⁵ Там же, ф. Канцелярия, оп. 469, 1857 г., д. 68, л. 136–137.

⁶⁶ Там же, л. 382–391.

⁶⁷ Описание хода переговоров о заключении торгового договора 14 июня 1857 г. и анализ его основных положений выходят за рамки настоящей статьи, составляя предмет специального рассмотрения. Здесь можно только отметить, что подписанный договор снимал многие ограничения, содержащиеся в торговом трактате 1846 г., и предоставлял французским экспортерам целый ряд существенных экономических льгот на российском рынке. Текст см. *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XV. Трактаты с Францией 1822–1906. СПб., 1909, с. 337–356.

становлению дипломатических отношений с Россией. Граф сумел произвести самое благоприятное впечатление на Александра II, князя Горчакова, на весь петербургский бомонд. Дипломатическим талантом, тактом, личным обаянием и не в последнюю очередь искренним расположением к России Морни сумел залечить совсем еще свежие раны в душе русского общества, нанесенные Крымской войной. Отношения с Россией были не только восстановлены, но и обретали привилегированный, можно сказать, доверительный характер, и, если бы не устойчивая привязанность Наполеона III к Англии, уже тогда, в 1857 г., Морни мог бы подписать не только торговый, но и союзный договор с Россией.

Морни покидал Россию, оставляя здесь множество друзей, среди которых первыми значились император Александр II и князь Горчаков. “Должен Вам сказать, – писал Морни Наполеону III, – что трудно быть более любезным и приятным в обхождении, чем этот государь. Все, что я узнаю о нем, о его семейных отношениях, дружеских связях и, должен прибавить, о его действиях по внутреннему управлению, носит характер прямоты, справедливости и даже рыцарского духа. Он не злопамятен, исполнен уважения к старым служителям своего отца и своей семьи, даже к тем из них, кто не очень этого заслуживает. Он никого не обижает, верен слову, чрезвычайно добр. Невозможно не полюбить его. Его обожает народ, а Россия с его воцарением, образно говоря, задышала, чего не было на всем протяжении царствования его покойного отца. Он, быть может, не столь театрален, как император Николай, но у меня нет и малейшего сомнения в том, что уже в ближайшие годы он во всех отношениях принесет больше блага своей стране, чем его отец за все время своего правления”⁶⁸.

Столь же тепло отзывался Морни и о Горчакове. “Мои отношения с князем Горчаковым, – писал он Наполеону, – это не отношения между послом и министром, а отношения двух друзей, одинаково верящих во взаимную добрую волю и верность своих государей... Его прежняя политика согласуется с его новым положением; он рад установившемуся между нами согласию и делает все, что может, дабы сохранить его”⁶⁹.

Александр II узнал о предстоящем отъезде Морни в первых числах декабря 1856 г. “Правда ли, что в скором времени я должен буду расстаться с вами? – спросил он посла при личной встрече. – Поверьте, это будет для меня очень печальным событием. Вся моя семья, все здесь будут сожалеть о вашем отъезде”. “Сир, – ответил Морни, – государственные интересы требуют моего возвращения во Францию. Но тем доверием, которым Ваше Величество почтили меня, я непременно поделюсь с моим государем. И если однажды я счел бы, что смогу принести больше пользы, служа здесь, а не во Франции, я, не колеблясь, пожертвовал бы своими частными интересами”⁷⁰.

Покидая Россию, граф де Морни увозил с собой не только приятные воспоминания. Вместе с ним 18 июня 1857 г. из Петербурга в Париж уезжала его юная супруга графиня де Морни, урожденная княжна Трубецкая.

Как уже говорилось, Огюст впервые увидел Софи на приеме у императрицы Марии Александровны еще 8 августа 1856 г. Тогда, при первой встрече, он не успел выделить ее среди фрейлин, но уже очень скоро княжна полностью завладела мыслями 44-летнего Морни. Посол императора французов использовал любую возможность, чтобы познакомиться с юной фрейлиной, благо череда приемов и балов в связи с продолжительными коронационными торжествами давала для этого множество удобных поводов.

Девушка принадлежала к одной из самых известных в России фамилий, но о ее отце в свете ходили самые разные слухи. Князь Трубецкой, считавшийся отцом Софьи,

⁶⁸ *Morny, Duc de. Op. cit.*, p. 182–183.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 183–184. По представлению Морни, Наполеон III в марте 1857 г. наградил Горчакова Большим крестом Почетного легиона. Со своей стороны Александр II тогда же отметил заслуги графа Валуевского в нормализации франко-русских отношений орденом св. Андрея Первозванного. См. АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1857 г., д. 68, л. 420; д. 69, л. 4–4 об.

⁷⁰ *Morny, Duc de. Op. cit.*, p. 176–177. Из письма Морни к Наполеону III от 9 декабря 1856 г.

в царствование Николая I потерял все состояние и был лишен своих владений в результате многочисленных скандальных историй. Потом князь умер, а его вдова по каким-то причинам отправила малолетнюю дочь в Париж, где та воспитывалась в доме русского посланника Н.Д. Киселева, что породило слухи о его отцовстве. Кстати, там, еще задолго до приезда в Россию, девочку должен был встречать граф де Морни, близкий друг Киселева, но он никогда и нигде не упоминал об этом. По другой версии, настоящим отцом Софи был сам император Николай, который доверил ее воспитание Н.Д. Киселеву с тем, чтобы удалить девочку из Петербурга. В возрасте восьми лет княжну Трубецкую вернули из Парижа на родину и при содействии императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I, поместили в Екатерининский институт, где, среди прочих, воспитывались и девушки из разорившихся дворянских семей.

В 15 лет Софи Трубецкая вышла из института и поступила на службу к великой княгине Марии Александровне, супруге тогда еще наследника престола, став ее фрейлиной. Ко времени ее знакомства с графом де Морни княжне исполнилось 18 лет. Это была красивая, стройная блондинка, обладавшая королевской осанкой, утонченностью манер и твердым характером. Попытки искусственного покорителя женских сердец, каковым считался Морни, обольстить юную фрейлину натолкнулись на вежливый, но решительный отпор. Софья Трубецкая явно не относилась к числу женщин, расположенных к свободным отношениям, с которыми прежде приходилось иметь дело графу де Морни.

Русская княжна произвела столь глубокое впечатление на графа, что убежденный холостяк очень скоро начал обнаруживать самые серьезные намерения в отношении мадемуазель Трубецкой, и с той поры она стала отвечать ему взаимностью. Когда о намерении Морни узнал Наполеон, он попытался заставить брата отказаться от этого брака, по-видимому, считая его мезальянсом для представителя правящей династии Бонапартов. Он даже угрожал лишить Морни поста председателя Законодательного корпуса и не дать обещанного ему ранее титула герцога⁷¹. Но граф был непреклонен, и император в конечном счете вынужден был уступить. Обручение Огюста и Софи произошло в октябре 1856 г. в Москве, за несколько дней до возвращения двора в Петербург. Там же, в Москве, в храме св. Екатерины 19 января 1857 г. состоялось их венчание⁷².

Спустя полгода граф и графиня де Морни навсегда покинули Россию. Встреча с Софьей Трубецкой и женитьба на ней стали символичным завершением дипломатической миссии Морни – личным воплощением его мечты о союзе с Россией.

⁷¹ Морни получит титул герцога в 1862 г.

⁷² Ровно через год у них родится дочь, в 1859 г. – сын, в 1861 г. – второй сын, а в 1863 г. – вторая дочь.